

Малый и средний бизнес

Самозанятые в России: развитие сферы МСП или движение к «гаражной экономике»

Вера Александровна Барина

ORCID: 0000-0002-9596-4683

Кандидат экономических наук, заведующий
Лабораторией исследований проблем
устойчивого развития ИПЭИ, РАНХиГС
(119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1)
E-mail: barinova-va@ranepa.ru

Алексей Михайлович Шестоперов

Кандидат экономических наук,
руководитель Дирекции организации правовой
поддержки субъектов МСП,
АО «Корпорация “МСП”»
(109074, Москва, Славянская пл., 4, стр. 1)
E-mail: chestal@yandex.ru

Юлия Викторовна Царева

ORCID: 0000-0002-9204-0362

Научный сотрудник Института прикладных
экономических исследований, РАНХиГС
(119571, Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1)
E-mail: tsareva-yv@ranepa.ru

Аннотация

Эксперимент по легализации самозанятости проводится в России уже более трех лет. К середине 2022 года число официально зарегистрированных самозанятых превысило 5 млн. Они учитываются при подсчете численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства — целевого показателя одной из национальных целей, определенных Президентом Российской Федерации. Вместе с тем прирост самозанятых может не отражать качественного развития сферы МСП, а, наоборот, частично маскировать снижение основных показателей. Цель статьи — проследить основные тенденции развития и факторы самозанятости в регионах России, включая возможный отток граждан из МСП в категорию самозанятых. В статье на основе эконометрической модели проводится оценка основных факторов, обуславливающих развитие самозанятости в регионах России: ВРП на душу населения, средней заработной платы, уровня безработицы, структуры экономики, человеческого капитала. По результатам расчетов выявлено, что уровень самозанятости в регионах коррелирует с негативными факторами: низкими ВРП и средней заработной платой, более высоким уровнем безработицы, низким качеством человеческого капитала, менее развитой промышленностью. Рост самозанятости не сопровождается качественным развитием сферы МСП. Анализ тенденций в сфере самозанятости показал, что в основе роста числа самозанятых лежит, скорее всего, легализация ранее работавших в тени граждан и микробизнесов — в кризисных условиях она дает предпринимателям шанс выжить, сохранив уровень дохода. В статье предлагаются меры поддержки формальной занятости в сфере МСП, которые позволят самозанятым заложить основы для создания перспективных бизнесов.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, самозанятость, государственная поддержка, налог на профессиональный доход.

JEL: J21, L26, O17.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10020.

Статья поступила в редакцию в октябре 2022 года

Small and Medium-Sized Businesses

Self-Employment in Russia: The Development of the SME Sector or the “Garage Economy” Trend

Vera A. Barinova

ORCID: 0000-0002-9596-4683

Cand. Sci. (Econ.), Head of the International Laboratory for Sustainable Development Research at the Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
barinova-va@ranepa.ru

Aleksey M. Shestoporov

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Directorate for Legal Support of SMEs, Russian Small and Medium Business Corporation,^b
chestal@yandex.ru

^a 84, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

^b 4, str. 1, Slavyanskaya pl., Moscow, 109074, Russian Federation

Yulia V. Tsareva

ORCID: 0000-0002-9204-0362

Junior researcher, International Laboratory for Sustainable Development Research at the Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
tsareva-yv@ranepa.ru

Abstract

Russia's experiment with legalization of self-employment has gone on for more than three years. The number of persons officially registered as self-employed exceeded five million by mid-2022, and they have been included in the employment statistics for small and medium-sized enterprises (SMEs), which are a target indicator for one of the national goals defined by the President of the Russian Federation. However, the increase in self-employment may not indicate a qualitative advance in the SME sector but may instead partially conceal a decline in the main indicators. The purpose of this article is to trace the principal trends and factors in the development of self-employment in Russia's various regions, including a possible exodus of workers from SMEs to self-employment. Based on an econometric model, the article analyses the main factors that determine the development of self-employment in Russia's regions: GRP per capita, average salary, unemployment, the economic structure, and human capital. The results indicate that self-employment in the regions is correlated with such negative economic factors as low salaries and GRP per capita, high unemployment, low-quality human capital, and less industrial productivity in the regional economy. The growth of self-employment is not accompanied by a qualitative advance in the SME sector. Analysis of current development trends for Russia's SME sector has shown that the growth in self-employment is due mostly to legalization of micro-businesses. During a crisis, self-employment becomes a way for entrepreneurs to maintain their income. The article proposes measures for supporting formal employment in the SME sector in order to help the self-employed create promising businesses.

Keywords: small and medium-sized entrepreneurship, self-employment, state support, professional income tax.

JEL: J21, L26, O17.

Acknowledgements

The study was supported by Grant No 21-78-10020 from the Russian Science Foundation.

Введение

С 2019 года в России проводится эксперимент по применению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД), который направлен на легализацию деятельности, относящейся к теневому сектору экономики.

НПД ориентирован на так называемых самозанятых граждан — тех, кто самостоятельно, без наемных работников, оказывает услуги или продает продукцию собственного производства, зарабатывая на такой деятельности не более 2,4 млн руб. в год. С начала эксперимента по состоянию на август 2022 года самозанятые зарегистрировали доходы на сумму более чем 1,4 трлн руб. и уплатили налоги на сумму более 40 млрд руб. Общий доход самозанятых граждан в день превышает 2,5 млрд руб. Как правило, такие граждане занимаются продажей продукции собственного производства, предоставляют услуги транспортных перевозок, доставки товаров, аренды квартир, ремонта и маркетинга. Наиболее высокооплачиваемые профессии среди самозанятых — IT-специалист, финансист, юрист, проектировщик, строитель, консультант в той или иной области.

Положительная динамика регистрации самозанятых связана с максимально простой процедурой применения НПД и льготами, предусмотренными этим налоговым режимом, включая пониженные ставки налогообложения, отсутствие страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и отчетности.

При этом рост числа плательщиков НПД определен государством в качестве основных источников занятости в сфере малого и среднего предпринимательства. Так, отдельный целевой показатель, характеризующий достижение национальных целей к 2030 году, касается занятости в МСП и сформулирован как «увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 миллионов человек»¹.

В 2020–2022 годах государством был реализован ряд последовательных шагов для формирования комплекса мер поддержки самозанятых граждан, зафиксировавших свой официальный статус: им посвящен отдельный федеральный проект в составе национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Плательщикам НПД было предоставлено право на уменьшение суммы налога на сумму налогового вычета в размере 10 тыс. руб. (однократный налоговый вычет).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года».

В июне 2020 года в законодательство Российской Федерации были внесены изменения, направленные на распространение мер поддержки, предназначенных для субъектов малого и среднего бизнеса, на физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей и применяющих НПД². Самозанятые граждане получили возможность обращаться в учреждения инфраструктуры поддержки МСП за получением информационно-консультационных услуг, участвовать в программах обучения. Кроме того, самозанятые граждане были допущены к участию в закупках крупнейших заказчиков, предусмотренных Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», на условиях, аналогичных условиям для малых и средних предприятий. Так, в 2021 году 1332 самозанятых гражданина заключили с компаниями с государственным участием 2145 договоров на общую сумму 1083,9 млн руб. (в 2020 году общая сумма заключенных договоров составила 797,4 млн руб.).

Помимо прочего, самозанятым была предоставлена возможность участвовать в программах кредитно-гарантийной поддержки, а также привлекать микрозаймы на льготных условиях в государственных и муниципальных микрофинансовых организациях. В 2021 году консолидированный объем финансовой поддержки самозанятых граждан в рамках Национальной гарантийной системы составил 306,2 млн руб. (по итогам 2020 года этот показатель составил 298 млн руб.).

По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (<https://www.fedstat.ru>), государственную поддержку, связанную с началом и развитием предпринимательской деятельности, по итогам 2021 года получили почти 100 тыс. самозанятых граждан (около 4% общего числа получателей поддержки).

В 2022 году были приняты дополнительные меры. Президент РФ подписал федеральный закон, предоставляющий самозанятым гражданам право регистрировать товарные знаки³. Теперь самозанятые граждане наравне с малыми и средними предприятиями могут получить места на нестационарных торговых объектах⁴, а также продавать произведенную продукцию во временных

² В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 14.07.2022 № 352-ФЗ «О внесении изменения в статью 22 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»».

павильонах на ярмарках выходного дня и фестивалях⁵. В Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» внесены поправки, в соответствии с которыми лицам, применяющим НПД и не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей, могут быть предоставлены государственные или муниципальные преференции, в том числе в виде заключения договоров аренды в отношении государственного и муниципального имущества без проведения торгов⁶.

Проводимая в этой сфере политика способствует стабильному росту числа самозанятых граждан. Однако за этим трендом может стоять не только легализация граждан, ранее работавших «в тени», но и переток в категорию самозанятых граждан из числа занятых на малых и средних предприятиях, включая индивидуальных предпринимателей, а также регистрация в качестве самозанятых граждан, работающих в бюджетной сфере, на государственной службе и в некоммерческих организациях.

1. Обзор литературы: факторы самозанятости

Самозанятость — это понятие, которое относится не только к российским плательщикам налога на профессиональный доход. Оно также рассматривается в международной исследовательской литературе, где применяется в более широком контексте (принятые определения рассматриваются далее в разделе «Самозанятость: международный опыт»).

Существует большой пул эмпирических работ, в котором анализируются факторы самозанятости на региональном и межстрановом уровнях. Причины распространения самозанятости связаны с экономическими и социальными факторами. Как подчеркивается в [Blanchflower, 2000], самозанятость является простейшей и первичной формой предпринимательства, поэтому можно предположить, что детерминанты становления предпринимателем и самозанятым схожи. Мартин Робсон [Robson, 1998] пытается установить причины неравномерной структуры и роста показателя самозанятости среди мужчин в регионах Великобритании на данных за 1973–1993 годы. Логику построения эмпирических оценок Робсон основывает на модели выбора занятости [Evans, Jovanovic, 1989].

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 № 1549 «О внесении изменения в подпункт “б” пункта 3 Правил включения нестационарных торговых объектов, расположенных на земельных участках, в зданиях, строениях и сооружениях, находящихся в государственной собственности, в схему размещения нестационарных торговых объектов».

⁶ Федеральный закон от 11.06.2022 № 168-ФЗ «О внесении изменения в статью 19 Федерального закона “О защите конкуренции”».

На основе этой модели в [Robson, 1998] выделены два пула объясняющих переменных: макроэкономические характеристики регионов Великобритании и факторы, описывающие предрасположенность индивидов к samozанятости. К переменным первой группы относится ВВП на душу населения, находящийся в положительной зависимости от samozанятости, так как страна с большой экономикой способна предоставить ниши для малого бизнеса. Альтернативными издержками предпринимательства является получение заработной платы в фирме, поэтому средний уровень региональной заработной платы также включен в список объясняющих переменных модели. Если возможностей для оплачиваемой работы не так много, то samozанятость становится способом уйти от безработицы, то есть срабатывает фактор «толчка рецессии» (recession push).

Какими характеристиками обладают наиболее предрасположенные к samozанятости люди? Робсон утверждает, что наиболее важным фактором является возраст индивида, поэтому в регрессию включается доля мужского населения трудоспособного возраста старше 45 лет [Robson, 1998]. Также в статье считается, что длительная безработица и предпринимательство отрицательно связаны друг с другом. По мнению автора, люди, находящиеся без работы долгое время, вероятно, не будут обладать предпринимательскими навыками и будут склонны более медленно выявлять предпринимательские возможности. Наличие высшего образования у индивида должно положительно сказываться на вероятности samozанятости. Наконец, на samozанятость также влияют величина необходимого стартового капитала и легкость получения денег. Сумма, необходимая для начала бизнеса, зависит от уровня минимального масштаба экономической эффективности в отрасли, и это объясняет, почему в одних отраслях уровень samozанятости выше, чем в других. Автор исследования предполагает, что люди склонны к предпринимательству в той области, в которой у них есть опыт. На момент написания статьи самый высокий уровень samozанятых в Великобритании был характерен для сельскохозяйственной отрасли, строительства и гостиничной индустрии, поэтому в качестве регрессора в модель включена доля этих отраслей в региональном ВВП.

Как было показано в теоретической модели [Evans, Jovanovic, 1989], значимым фактором успешности ведения бизнеса является наличие собственных активов. Банк охотнее выдаст более крупный кредит индивиду, который сможет обеспечить его большим залогом. Поэтому Робсон в своем исследовании включает в анализ переменную чистого реального благосостояния домохозяйств на душу населения (real net housing wealth) [Robson, 1998].

Важно отметить, что Робсон включает в эмпирическую модель перечисленные факторы в виде разностей логарифмов и лаговых по времени значений переменных. Это связано с тем, что между решением индивида о самозанятости и фактическим выходом его на рынок проходит определенное время. Таким образом, происходит постепенная адаптация рынков, при которой относительно высокий уровень региональной самозанятости снижает предполагаемые выгоды от самозанятости, что может остановить потенциальных предпринимателей и, возможно, ускорить уход некоторых самозанятых с рынка.

В более поздней работе Ли Кунь и Чжао Чанвэнь, исследуя факторы самозанятости в Китае, помимо ВРП на душу населения в качестве объясняющей переменной также включают число частных предприятий на 10 тыс. чел. [Li, Zhao, 2011]. Авторы подчеркивают, что существует тесная связь между самозанятостью и предпринимательством, поскольку эти два вида деловой активности часто трансформируются друг в друга. Далее Ли и Чжао в качестве показателя, характеризующего рынок труда в Китае, рассматривают отношение числа людей, исключенных из формальной экономики (в том числе безработных и занятых в неформальной сфере) к общей занятости [Li, Zhao, 2011]. Ожидается, что чем выше это отношение, тем выше уровень самозанятости.

Зачастую в качестве показателя рынка труда рассматривают уровень безработицы, но необходимо заметить, что связь между безработицей и самозанятостью или уровнем предпринимательства неоднозначная (см., например, [Moore, Mueller, 2002; Santarelli et al., 2009]). С одной стороны, повышение безработицы означает сокращение возможностей для оплачиваемого труда, что подталкивает людей к предпринимательству. При закрытии фирм также увеличивается доступность основных средств. Вследствие этого предпринимательскую активность и безработицу можно связать друг с другом. С другой стороны, очевидно, что при высоком уровне безработицы спрос на продукцию предпринимателей будет низким, что сокращает их доходы, доступность капитала и увеличивает вероятность банкротства. Более того, на уровне индивида безработица может быть обусловлена недостаточным уровнем человеческого капитала и отсутствием финансовых средств, необходимых для начала своего бизнеса (unemployment pull). Таким образом, будет происходить снижение числа предпринимателей. Это обуславливает отрицательную взаимосвязь между предпринимательством и безработицей. Однако большая часть эмпирических работ, согласно [Parker, 2018], нашла подтверждение гипотезе «толчка рецессии».

Еще одним объясняющим фактором в работе [Li, Zhao, 2011] является плотность населения, высокие значения которой, с одной

стороны, возможно, должны ассоциироваться с большим количеством самозанятых и мелких предпринимателей ввиду существования большого количества рыночных ниш. С другой стороны, в регионах с низкой плотностью населения крупным фирмам труднее использовать эффект масштаба вследствие ограниченного числа потребителей, высоких издержек на телекоммуникацию и транспортировку [Acs et al., 1994].

В качестве переменной, отражающей размер человеческого капитала, в нашем исследовании, как и во многих других, взята доля людей с высшим образованием. Влияние этого фактора на самозанятость или предпринимательство в эмпирической литературе обычно положительно. Даже если знания и приобретенный в учебном заведении опыт впоследствии оказались нерелевантными для предпринимателя, они могут служить прокси-переменной для социального окружения и амбиций [Parker, 2018]. Однако необходимо помнить о том, в каком социальном контексте оценивается эта взаимосвязь. Отрицательная взаимосвязь потенциально может наблюдаться вследствие этнических и культурных различий. Например, в работе [Li, Zhao, 2011] доля людей с высшим образованием отрицательно связана с уровнем самозанятости, так как лучшее образование, согласно мнению авторов, дает людям больше возможностей при поиске формальной занятости, а люди, не имеющие квалификации для наемной работы, часто вынуждены уходить в самозанятость.

Ли и Чжао включают в эмпирический анализ показатели экономической структуры регионов Китая: доли вторичного и третичного секторов экономики в занятости и ВРП регионов [Li, Zhao, 2011]. Необходимо помнить, что расширение промышленного сектора по-разному влияет на самозанятость в развитых и развивающихся странах [Acs et al., 1994]. Согласно работе [Li, Zhao, 2011], в развитых странах двигателем развития промышленности являются крупные фирмы, а в развивающихся странах преобладает малый бизнес. Сфера услуг более благоприятна для некрупных предприятий и самозанятых граждан.

Наконец, среди моделей выбора индивидом формы занятости есть и те, которые учитывают влияние институциональных факторов. Например, Стефан Гоманн инкорпорирует влияние институтов в модель через издержки переключения между различными видами занятости [Gohmann, 2012]. Эти издержки зависят от институциональной среды и типа занятости. В эмпирическую модель в [Gohmann, 2012] включены два фактора, характеризующих институты в восемнадцати странах ЕС: индекс экономической свободы и индекс восприятия коррупции, измеренный *Transparency International*. Первый показатель измеряет экономическую свободу с точки зрения размера государственного аппарата, гарантий

защиты прав собственности в стране, доступа к финансированию, свободы международной торговли, а также уровня государственного регулирования в сферах кредитования, рынка труда и бизнеса. Второй индекс отражает мнение экспертов и предпринимателей разных стран о влиянии коррупции в государственном секторе на жизнь и экономическую активность в стране. Согласно гипотезе, большие экономические свободы приводят к более производительной экономической деятельности. В то же время влияние коррупции на экономический рост и предпринимательство, согласно [Aidt, 2003], может быть неоднозначным: чрезмерная бюрократия и взятки могут тормозить бизнес-процессы или, наоборот, коррупция может помогать предпринимателям преодолевать барьеры, связанные с неэффективным государственным управлением. Согласно оценкам [Gohmann, 2012], улучшение институциональной среды (повышение экономических свобод и сокращение коррупции) согласуется с увеличением числа индивидов, предпочитающих самозанятость остальным видам занятости.

2. Самозанятость: международный опыт

Международная организация труда выделяет следующие группы работников: индивидуальные работники-самозанятые (own-account workers), работодатели (employers), неоплачиваемые работники семейного бизнеса (unpaid family workers), штатные сотрудники с контрактами или наемные работники (employees), члены производственных кооперативов⁷. Статус занятости определяет доступ к правам, льготам и социальным и правовым гарантиям работников. При этом отмечается, что существует проблема ложной, или фиктивной, самозанятости (false self-employment, или bogus self-employment)⁸, которая возникает, когда граждане хотя и считаются самозанятыми, но де-факто работают как наемные работники. Статус самозанятого используется в таком случае для обхода налоговых обязательств и обязательств по социальному страхованию или обязанностей работодателя.

Самозанятость, согласно OECD Employment Outlook 2014, является либо стратегией выживания для тех, кто не может найти иных способов заработка, либо индикатором предпринимательской активности⁹. В странах ОЭСР к самозанятым лицам относятся: работодатели; самостоятельные работники, не нанимающие сотрудников (own-account workers)¹⁰; члены производственных

⁷ OECD Employment Outlook 2019. <https://doi.org/10.1787/992e6a59-en>.

⁸ OECD Factbook 2015–2016. <https://doi.org/10.1787/factbook-2015-en>.

⁹ https://doi.org/10.1787/empl_outlook-2014-en.

¹⁰ <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=1986>.

кооперативов; члены семейного бизнеса (или сельскохозяйственных предприятий), которые не заключали договоры, предусматривающие регулярные выплаты заработной платы (*unpaid family workers*). В определении ОЭСР дополнительно прописано, что лица, работающие в компаниях, включая их директоров, считаются наемными работниками, а не самозанятыми. Отметим, что не любой неоплачиваемый домашний труд по этому определению можно отнести к самозанятости, а только труд, относящийся семейному бизнесу.

Немного другое определение самозанятости дает Евростат, ссылаясь на законодательство Европейского союза. Самозанятость в этом определении противопоставляется работе по найму, а самозанятые определяются как «лица, которые являются единоличными владельцами или совладельцами так называемых некорпорированных предприятий (то есть предприятий без акционеров и совета директоров), на которых они работают»¹¹. Лица, одновременно работающие по найму и в качестве самозанятого лица, считаются самозанятыми, если самозанятость приносит им больший доход. Если информация о доходе недоступна, то в качестве критерия для выбора между учетом в качестве самозанятого или наемного работника разрешается учитывать отработанные часы.

В постановлении Европейского парламента¹² сказано, что к самозанятым также относятся: не получающие заработную плату члены семейного бизнеса; надомные работники (*outworkers*, работники определенного предприятия с явными и неявными контрактами, рабочее место которых находится вне территории этого предприятия); работники, занятые в производстве товаров для собственного конечного потребления или накопления собственного капитала (аналог российского термина «личное подсобное хозяйство, ЛПХ»). При этом последние будут официально считаться самозанятыми только в случае, если их продукция производится по большей части не для продажи, а для личного потребления. Сложно понять, почему надомных работников, которые, по сути, являются наемными работниками, в этом официальном документе относят к самозанятым, но никакого пояснения по этому вопросу не дается. Неоплачиваемые волонтеры также включаются в число самозанятых лиц, если их волонтерская деятельность приводит к созданию товарно-материальных ценностей (например, строительство жилого дома, церкви или другого здания). Как и в определении ОЭСР, неоплачиваемый домашний труд не считается самозанятостью.

¹¹ <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Self-employed>.

¹² Regulation (EU) No 549/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on the European system of national and regional accounts in the European Union Text with EEA relevance.

На сайте Европейской комиссии можно встретить различные определения самозанятости разной степени конкретности, например определение самозанятого лица как «того, кто работает независимо, не подчиняется другому лицу, и того, кто может нанимать других людей для работы на себя»¹³ или определение самозанятых как «индивидов, занимающихся приносящей доход деятельностью в качестве самостоятельных работников (for their own account) в соответствии с условиями, установленными национальным законодательством»¹⁴. Одновременно Европейская комиссия отмечает, что в государствах — членах ОЭСР существуют разные толкования и определения термина «самозанятость»¹⁵.

Наконец, у Евростата есть документ, регламентирующий проведение обследования рабочей силы Европейского союза, — EU Labour Force Survey Explanatory Notes¹⁶. В нем перечислено множество показателей, которые рассчитываются в ходе этого обследования, в том числе пол, семейное положение, национальность, трудовой статус в течение отчетной недели (работал за вознаграждение / не работал по причине...), причины пропуска работы при ее наличии, профессиональный статус, уровень образования, год, когда человек начал работать на своего нынешнего работодателя или в качестве самозанятого по своей текущей профессии, доля работающих из дома и др.

В настоящей работе интерес прежде всего представляет показатель «профессиональный статус». Респондентов, согласно регламенту Евростата, делят на три основные группы: (1) самозанятый с наемными работниками, (2) самозанятый без наемных работников, (3) работник семейного бизнеса. Еще выделяют тех, кто не подходит ни под одну из этих категорий (not applicable), и тех, кто пропустил этот вопрос в анкете. Самозанятых лиц Евростат в EU Labour Force Survey Explanatory notes определяет как тех, кто работает в своем собственном бизнесе, занимается профессиональной практикой или работает на ферме с целью получения прибыли. Далее приводятся пояснительные комментарии к этому определению. Так, няни, у которых есть договор с агентством, подбирающим им клиентов, не являются самозанятыми, в то время как няни, работающие по соглашениям с частными лицами, считаются самозанятыми.

¹³ https://eures.ec.europa.eu/living-and-working/living-and-working-conditions_en.

¹⁴ Directive 2010/41/EU of the European Parliament and of the Council of 7 July 2010 on the application of the principle of equal treatment between men and women engaged in an activity in a self-employed capacity and repealing Council Directive 86/613/EEC.

¹⁵ <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1323&langId=en>.

¹⁶ <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/1978984/6037342/EU-LFS-explanatory-notes-from-2016-onwards.pdf/0fd0fa60-b533-4a94-8766-fe3d78bcccad>.

Зачастую термины «самозанятый» и «предприниматель» смешаны по смыслу друг с другом в различных международных источниках, но в большинстве случаев предпринимательская деятельность связана с инвестициями, наймом работников, ориентацией на развитие и масштабирование бизнеса, а также наличием определенных личностных качеств [Gartner, 1989; Rauch, Frese, 2007; Stewart, Roth, 2001], например готовностью к риску, эффективностью, стрессоустойчивостью, инициативностью, потребностью в достижении цели. Термин «самозанятые» часто осмысливается в несколько ином ключе: самозанятые редко заинтересованы в расширении своего дела, поэтому, как правило, не способны создать высокотехнологичные быстрорастущие предприятия («газели» — в терминологии Дэвида Берча), экспортно ориентированные производственные предприятия. Известно, что на рост выручки «газелей» в развитых странах может приходиться более 50% прироста ВВП, при том что их доля в общем количестве фирм менее 2% [Баринаова и др., 2016].

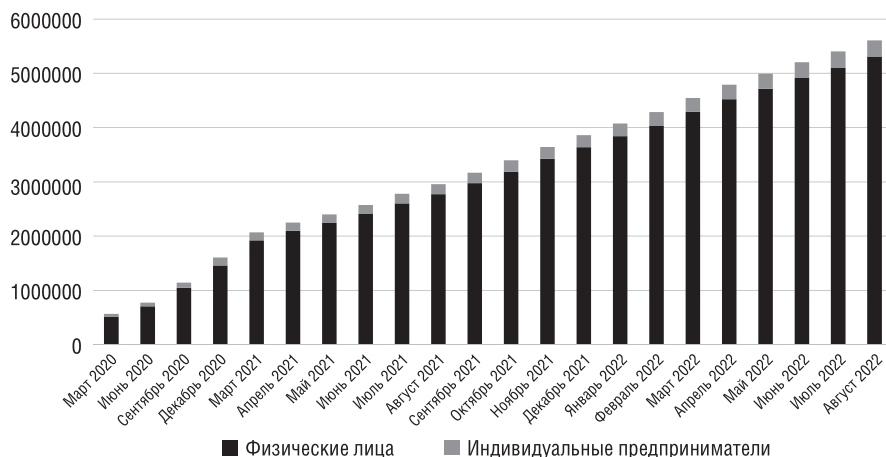
Уровень самозанятости оказывает положительное и значительное влияние на размер теневой экономики: самозанятые граждане имеют серьезные стимулы и возможности уклоняться от налогообложения и с большей вероятностью будут нанимать сотрудников неофициально [Hassan, Schneider, 2016]. Среди развитых стран лидером по доле самозанятых является Греция (14,1% всей занятости), за ней следуют Новая Зеландия, Италия и Швейцария, где доли самозанятых варьируются от 10 до 11,3%¹⁷.

3. Самозанятые в России. Гипотезы

Всего за три года — с 2019-го по 2022-й — число официально зарегистрировавшихся самозанятых в России возросло с 500 тыс. до более 5 млн (рис. 1), что произошло не только благодаря включению в эксперимент новых регионов, но и ввиду привлекательности такого режима для граждан. В кризисный период именно статус самозанятого позволил многим продолжить предпринимательскую или профессиональную деятельность за счет более низкой налоговой нагрузки.

Право на применение налога на профессиональный доход имеют физические лица — как зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, так и не имеющие такого статуса. Основная доля самозанятых приходится на физических лиц, не являющихся ИП (94,7% по состоянию на конец августа 2022 года, по данным ФНС России), причем на протяжении рассматривае-

¹⁷ <https://data.oecd.org/entrepreneur/self-employed-with-employees.htm>.

Источник: ФНС России.

Рис. 1. Динамика числа самозанятых в России с марта 2020 по август 2022 года (чел.)

Fig. 1. Changes in Self-Employment in Russia From March 2020 to August 2022 (persons)

мого периода она постоянно увеличивается. Социологические исследования (например, исследование самозанятых, проведенное *Strategy Partners*¹⁸) демонстрируют схожую картину: большинство самозанятых предпочитают называть себя профессионалами, а не предпринимателями.

Зачастую рост самозанятости в России связывается с тем, что такая занятость, как правило, носит вынужденный характер. Эта гипотеза согласуется с результатами Глобального мониторинга предпринимательства в России 2021/2022, согласно которым основная мотивация для предпринимательской деятельности в России в настоящий момент вынужденная и связана с необходимостью обеспечения доходов¹⁹.

В целом причин стабильного роста числа самозанятых может быть несколько:

- во-первых, переход в формальный сектор экономики граждан, которые до этого работали «в тени» и не учитывались в статистике; на фоне роста числа самозанятых возможно уменьшение численности занятых в неформальном секторе (теневой занятости);
- во-вторых, переход на более выгодный налоговый режим действующих предпринимателей и их сотрудников — ИП и работников микробизнеса, малых предприятий; в таком

¹⁸ <https://ria.ru/20220818/issledovaniya-1810564384.html>.

¹⁹ https://gsom.spbu.ru/images/1/1/otchet_2022_final_1.pdf.

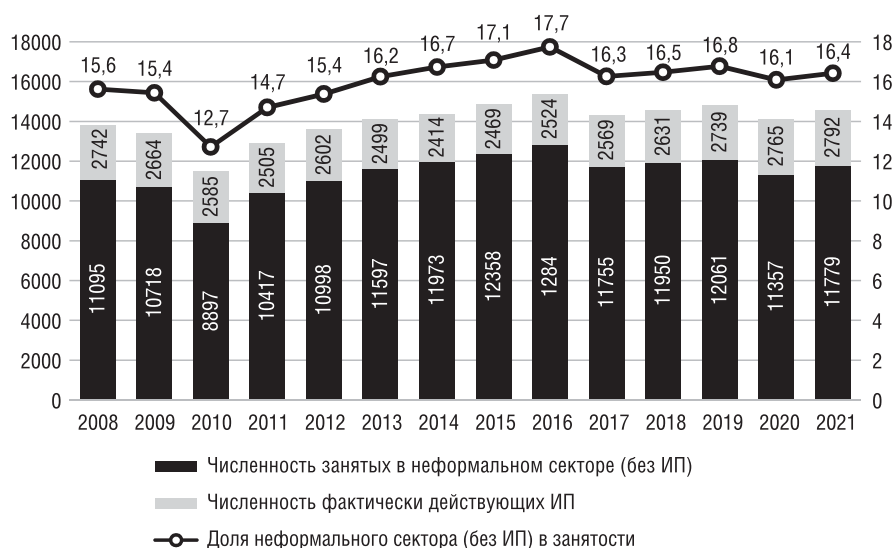
случае число самозанятых будет расти, а число ИП и микро-предприятий, малых предприятий — уменьшаться;

- в-третьих, возможность получения статуса самозанятого параллельно с основной работой на предприятиях МСП, в крупных компаниях, госсекторе и некоммерческом секторе; в этом случае число самозанятых может расти при стабильности числа ИП и малых (в том числе микро) предприятий либо его росте;
- в-четвертых, рост самозанятости может сопровождать развитие сферы МСП в целом при условии равномерного увеличения занятости в МСП, числа малых и особенно средних фирм.

Имеющаяся совокупность факторов не позволяет однозначно положительно оценить прирост числа самозанятых без дополнительного анализа. Рассмотрим основные тенденции в этой сфере, чтобы проследить специфику самозанятости в России и ее роль в развитии сектора МСП, а также проверим гипотезы для количественного исследования самозанятости в России в соответствии с различными возможными факторами роста числа самозанятых.

Для оценки размера неформального сектора доступны только данные Росстата (рис. 2). К занятым в неформальном секторе Росстат относит: индивидуальных предпринимателей; лиц, работающих по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; помогающих членов семей в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающих на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена. Данные Росстата по численности занятых в неформальном секторе на момент написания статьи доступны до 2021 года (включительно). При этом ФНС России публикует данные по официально зарегистрированным самозанятым, применяющим НПД, с 2020 года. Таким образом, сделать какой-либо обоснованный вывод об одновременной динамике этих показателей не представляется возможным.

Тем не менее мы можем констатировать, что число занятых в неформальном секторе (без учета ИП) в 2020 году сократилось по сравнению с 2019 годом на 705 тыс. чел. (при этом число ИП практически не изменилось), а доля неформального сектора уменьшилась с 16,8 до 16,1%. В 2021 году это падение было частично компенсировано по сравнению с предыдущим годом: стало больше на 422 тыс. занятых в неформальном секторе (без учета ИП) и их доля в занятости выросла на 0,3 п.п. Число официально зарегистриро-

Источники: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>; <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics>.

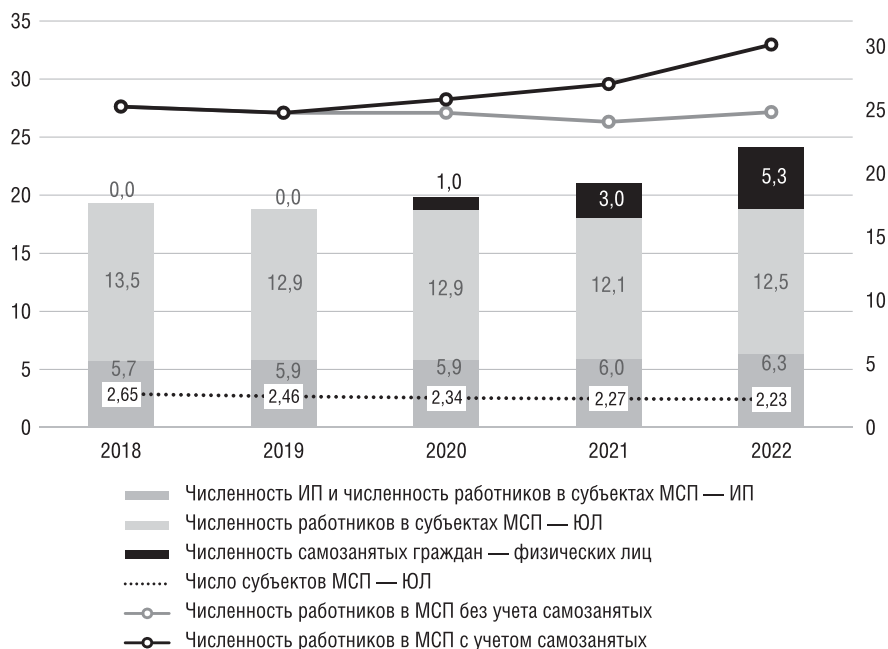
Рис. 2. Динамика числа занятых в неформальном секторе экономики России, 2008–2021 годы (численность ИП и занятых в неформальном секторе — левая ось, тыс. чел.; доля неформального сектора — правая ось, %)

Fig. 2. Changes in Employment in the Informal Sector of the Economy in Russia, 2008–2021 (Sole Entrepreneurs and Informal Employment — left scale, thousands of persons; Informal Sector Share — right scale, %)

ванных самозанятых к концу 2020 года достигло 1,5 млн, а к концу 2021 года составляло уже более 3,5 млн.

На фоне сокращения числа МСП, зарегистрированных в форме юридических лиц в 2018–2022 годах, занятость в МСП без учета самозанятых незначительно колебалась в течение 2019–2022 годов, так и не достигнув уровня 2018 года. При этом на средних предприятиях занятость к 2022 году всё-таки превысила уровень 2018 года (выросла с 1,790 млн до 1,863 млн чел.), а на малых и микропредприятиях — ощутимо сократилась (с 5,833 млн до 5,234 млн чел. и с 5,903 млн до 5,401 млн чел. соответственно) (рис. 3).

По данным ФНС России, занятость в сфере МСП с учетом самозанятых граждан в кризисные 2020–2022 годы росла, и к сентябрю 2022-го по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года увеличилась примерно на 15% (с 21 до 24 млн чел.). Ключевым фактором роста стало увеличение числа самозанятых за период с 2021 по 2022 год — на 2,34 млн чел. Занятость в индивидуальном предпринимательстве также выросла и превысила докризисные значения. При этом на временном интервале 2019–2022 годов за-

Источник: ФНС России.

Рис. 3. Структурная характеристика занятости в МСП с учетом самозанятых в России, 2018–2022 годы (левая ось, млн чел.; число субъектов МСП — ЮЛ — правая ось, млн ед.)

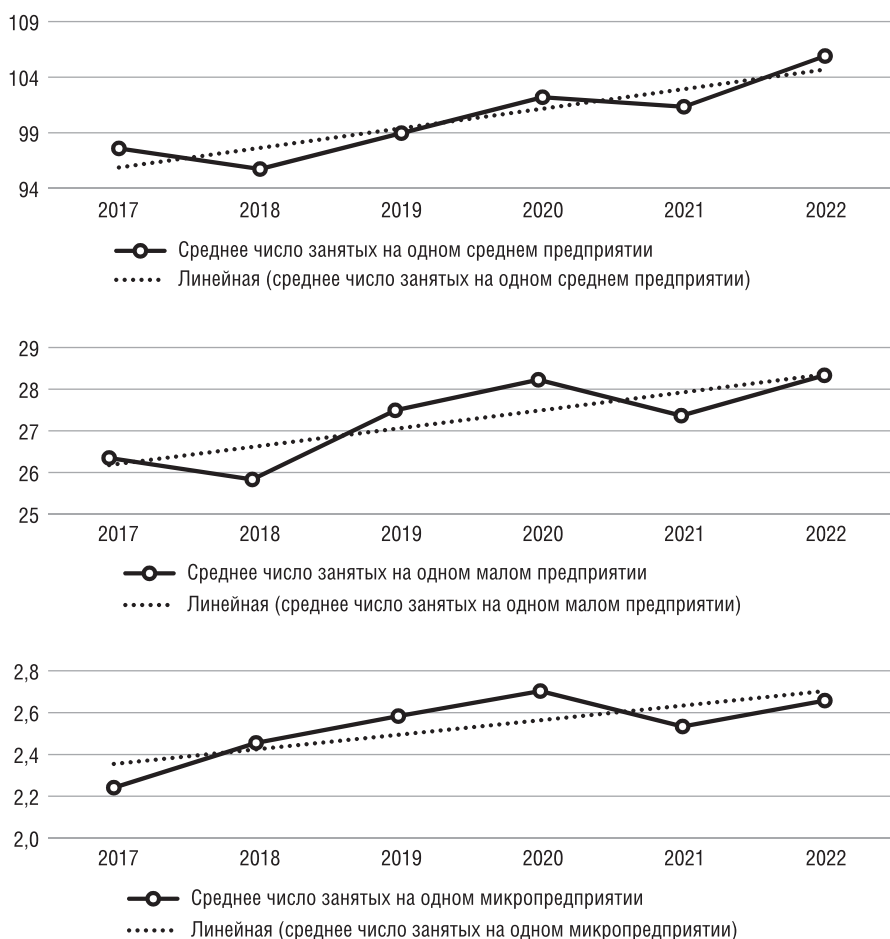
Fig. 3. Structural Characteristics of Employment in SMEs Including Self-Employment in Russia, 2018–2022, (left scale, mln persons; number of small enterprises as legal entities — right scale, mln units)

нятость в МСП без учета самозанятых была стабильной — рост в ИП компенсирован снижением занятости у юридических лиц.

Среднее число занятых на одном предприятииросло в 2017–2022 годах для каждой из трех категорий предприятий — микро, малых, средних. К 2022 году на среднем предприятии в среднем трудились 106 чел., на малом — 28 чел., на микропредприятии — 3 чел. (рис. 4).

Многие совмещают статус самозанятого с работой в другой организации в сфере МСП. Согласно сведениям Единого реестра субъектов МСП, за период с июня 2021 по март 2022 года доля совмещающих в структуре занятости составляла примерно 6,4%, что ниже, чем совокупный прирост занятости в секторе МСП за соответствующий период. Данные о доле совместителей за более ранние периоды недоступны, однако даже текущие показатели позволяют утверждать, что рост занятости в МСП не полностью обусловлен увеличением числа совместителей.

В целом тенденция к сокращению среднего числа занятых на одном предприятии МСП может свидетельствовать о переходе

Источник: ФНС России.

Рис. 4. Динамика средней занятости на предприятиях МСП в России, 2017–2022 годы

Fig. 4. Changes in Average Employment at SMEs in Russia, 2017–2022

субъектов МСП к формату микропредприятий и, соответственно, об уменьшении числа качественных высокопроизводительных рабочих мест, характерных для средних предприятий.

Размер налогов, взимаемых по специальным налоговым режимам, используется для оценки бюджетной эффективности субъектов МСП. Помимо упрощенной системы налогообложения, единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (до 2021 года), единого сельскохозяйственного налога, патентной системы налогообложения и т. д. теперь в специальных налоговых режимах также учитывается НПД, который платят самозанятые. На фоне роста числа самозанятых граждан значительно увеличился объем поступлений в бюджет по НПД; по данным ФНС России,

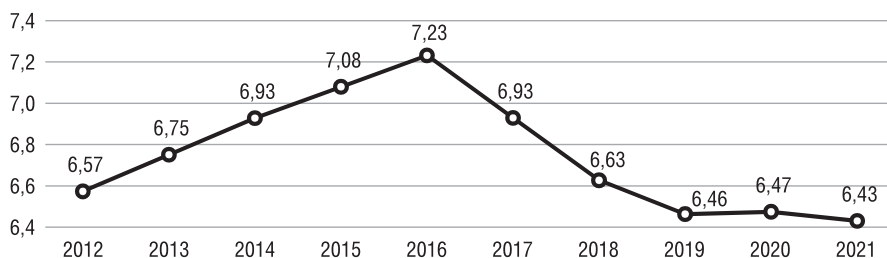
с 2019 по 2021 год он существенно возрос и к 2021-му составил примерно 2% общего объема поступлений по специальным налоговым режимам. Общий объем поступлений по спецрежимам без учета роста цен в кризисный период также вырос — примерно на 35% (даже с учетом отмены ЕНВД с 1 января 2021 года), поэтому эксперимент по легализации самозанятых следует признать успешным в отношении налоговых доходов бюджета. Косвенно этот показатель может свидетельствовать о том, что основной причиной постоянного увеличения числа самозанятых является всё же легализация ранее не плативших налоги граждан, а не налоговая оптимизация деятельности МСП.

4. Самозанятые в России. Моделирование

Выявление факторов самозанятости в регионах России способно косвенно опровергнуть либо подтвердить сделанные предположения об основных причинах и трендах роста числа самозанятых в контексте развития сферы МСП на уровне региона в целом. В одних условиях — относительно неблагоприятных — рост самозанятости может быть связан с вынужденным предпринимательством, легализацией деятельности, ранее остававшейся в теневом секторе экономики, перерегистрацией в целях налоговой оптимизации, дублированием занятости (самозанятый и одновременно занятый в МСП/ИП). В других условиях — при низкой безработице и развитом человеческом капитале — рост самозанятости сопровождается ростом числа МСП и может говорить о качественном развитии этой сферы, сдвиге в сторону большей креативности, потенциальном увеличении числа рабочих мест.

Данные по самозанятым из Единого реестра субъектов МСП отражают не столько реальную динамику самозанятости в России, сколько регистрационную активность самозанятых, что естественным образом объясняет рост этого показателя. Для моделирования факторов самозанятости мы используем данные Росстата по численности занятых «в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица» и по численности занятых «в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для реализации». С помощью этих показателей, а также общей численности занятых мы рассчитали долю самозанятых в регионах России с 2012 по 2021 год. Для России в целом динамика рассчитанного показателя представлена на рис. 5.

Снижение доли самозанятых с 2016 года может быть связано с перетоком рабочей силы на крупные предприятия и в государственные организации, которые традиционно более устойчивы

Источник: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>.

Рис. 5. Доля самозанятых в общей численности занятых в России, 2012–2021 годы (%)

Fig. 5. Share of Self-Employment in Total Employment in Russia, 2012–2021 (%)

к кризисным явлениям, а в период пандемии смогли сохранить штат сотрудников. Такие выводы содержатся в исследовании неформальной занятости, проведенном аудиторско-консалтинговой сетью FinExpertiza²⁰. Выше всего доля самозанятых в северокавказских регионах, регионах с низким уровнем экономического развития (на Алтае, в Калмыкии, Адыгее), Тамбовской области, Краснодарском крае. Ниже всего — в экономических центрах страны (Москве, Санкт-Петербурге) и регионах с высокой долей добычи (ХМАО, ЯНАО, Ненецком АО, на Чукотке).

Отметим, что рассчитанная нами на основе данных Росстата доля самозанятых включает индивидуальных предпринимателей, которых в этом случае невозможно выделить. Данные Единого реестра субъектов МСП и Росстата по самозанятым можно назвать условно сопоставимыми (можем сравнить только 2020 и 2021 годы). В 2020 году доля самозанятых по Росстату составила 6,47%, а аналогичная величина по реестру (доля самозанятых и индивидуальных предпринимателей) — 7%; в 2021 году — 6,43 и 10,3% соответственно.

Для оценки факторов самозанятости на основе проведенного анализа литературы мы разработали следующую эконометрическую модель:

$$\ln(SE)_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln(GDPpc)_{it} + \alpha_2 \ln(unempl)_{it} + \alpha_3 \ln(popdens)_{it} + \alpha_4 \ln(urban)_{it} + \alpha_5 \ln(ecstr)_{it} + \alpha_5 \ln(humcap)_{it} + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

где SE — самозанятость, $GDPpc$ — ВВП на душу населения (также вместо $GDPpc$ использовался $wage$ — среднемесячная зарплата на одного работника), $unempl$ — безработица, $popdens$ — плотность населения, $urban$ — урбанизация, $ecstr$ — структура экономики

²⁰ <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/zanyatost-sokratilas/?ysclid=l8onu7c62d768275695>.

региона, $humcap$ — человеческий капитал, i — регион, t — год (2012–2020), ε — случайная ошибка.

В табл. 1 представлено описание переменных и описательная статистика, в табл. 2 — корреляционная матрица. Сильнее всего коррелируют между собой безработица и доля горожан (отрицательно), доля промышленности в ВРП и доля сельского хозяйства в ВРП (отрицательно). Мы используем данные за 2012–2020 годы по 83 регионам России.

Т а б л и ц а 1

Описание переменных и описательная статистика

Table 1

Variables and Descriptive Statistics

		Число наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
<i>SE</i>	Доля самозанятых (%)	747	7,8	5,7	0,5	36,7
<i>GDPpc</i>	ВРП на душу населения (руб.)	664	519 561,6	774 366,5	77 877,2	7530 484,7
<i>wage</i>	Среднемесячная начисленная заработная плата на одного работника (руб.)	747	34 312,7	16 524,3	13 659,6	120 640,5
<i>unempl</i>	Уровень безработицы (%)	747	6,6	4,2	0,8	47,7
<i>popdens</i>	Плотность населения (чел./км ²)	747	130,8	658,1	0,1	4946,0
<i>urban</i>	Доля городского населения (%)	747	0,7	0,1	0,3	1
<i>ecstr (vrp_ag)</i>	Доля сельского хозяйства в ВРП (%)	664	19,8	16,8	0,04	80,2
<i>ecstr (vrp_pr)</i>	Доля промышленности, включая добычу, в ВРП (%)	664	19,4	15,8	0,1	76,5
<i>humcap</i>	Доля занятого населения с высшим образованием (%)	664	31,4	5,3	18,2	51,2

Источник: составлено авторами.

Т а б л и ц а 2

Корреляционная матрица

T a b l e 2

Correlation Matrix

Переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
(1) <i>SE</i>	1,00								
(2) <i>GDPpc</i>	-0,28	1,00							
(3) <i>wage</i>	-0,39	0,73	1,00						
(4) <i>unempl</i>	0,66	-0,15	-0,22	1,00					
(5) <i>popdens</i>	-0,14	0,08	0,26	-0,17	1,00				
(6) <i>urban</i>	-0,77	0,27	0,46	-0,57	0,34	1,00			
(7) <i>vrp_ag</i>	-0,15	0,38	0,40	-0,15	-0,11	0,11	1,00		
(8) <i>vrp_pr</i>	-0,13	0,03	-0,13	-0,11	-0,10	0,09	-0,69	1,00	
(9) <i>humcap</i>	-0,03	0,20	0,40	-0,06	0,47	0,16	0,12	-0,27	1,00

Источник: составлено авторами.

На рис. 6 приведены графики рассеяния. На графике рассеяния между долей самозанятых и уровнем безработицы (в) показано, что высокая доля самозанятых ассоциирована с повышенной безработицей (регионы Северного Кавказа, Республика Тыва и др.). Из графика рассеяния между долей самозанятых и урбанизацией (д) можно заключить, что для регионов с наиболее высокой долей городского населения (Санкт-Петербурга, Москвы, Магаданской области, ХМАО, Мурманской области) высокая доля самозанятости не характерна.

В ряде регионов с высокой средней заработной платой и высоким ВРП на душу (на Чукотке, в ХМАО, Санкт-Петербурге, Москве, ЯНАО, Ненецком АО, Хабаровском крае) уровень самозанятости населения крайне низкий; высокая самозанятость наблюдается в ряде регионов с наиболее низкой средней зарплатой (в регионах Северного Кавказа, Тамбовской области, Калмыкии). Из остальных графиков сделать вывод о характере взаимосвязи между переменными не представляется возможным.

Результаты эконометрической оценки модели (1) представлены в табл. 3. Из них можно сделать следующие выводы: самозанятость выше в регионах России с более низким ВРП на душу населения (или более низкой средней заработной платой). Чем выше уровень безработицы в регионе, тем выше в нем уровень самозанятости. Самозанятость выше в регионах с более низким качеством человеческого капитала. В регионах с большей долей сельского хозяйства в ВРП самозанятость выше, а в регионах с развитой промышленностью, наоборот, ниже. Доля городского населения в регионе оказалась незначимым фактором для самозанятости в России.

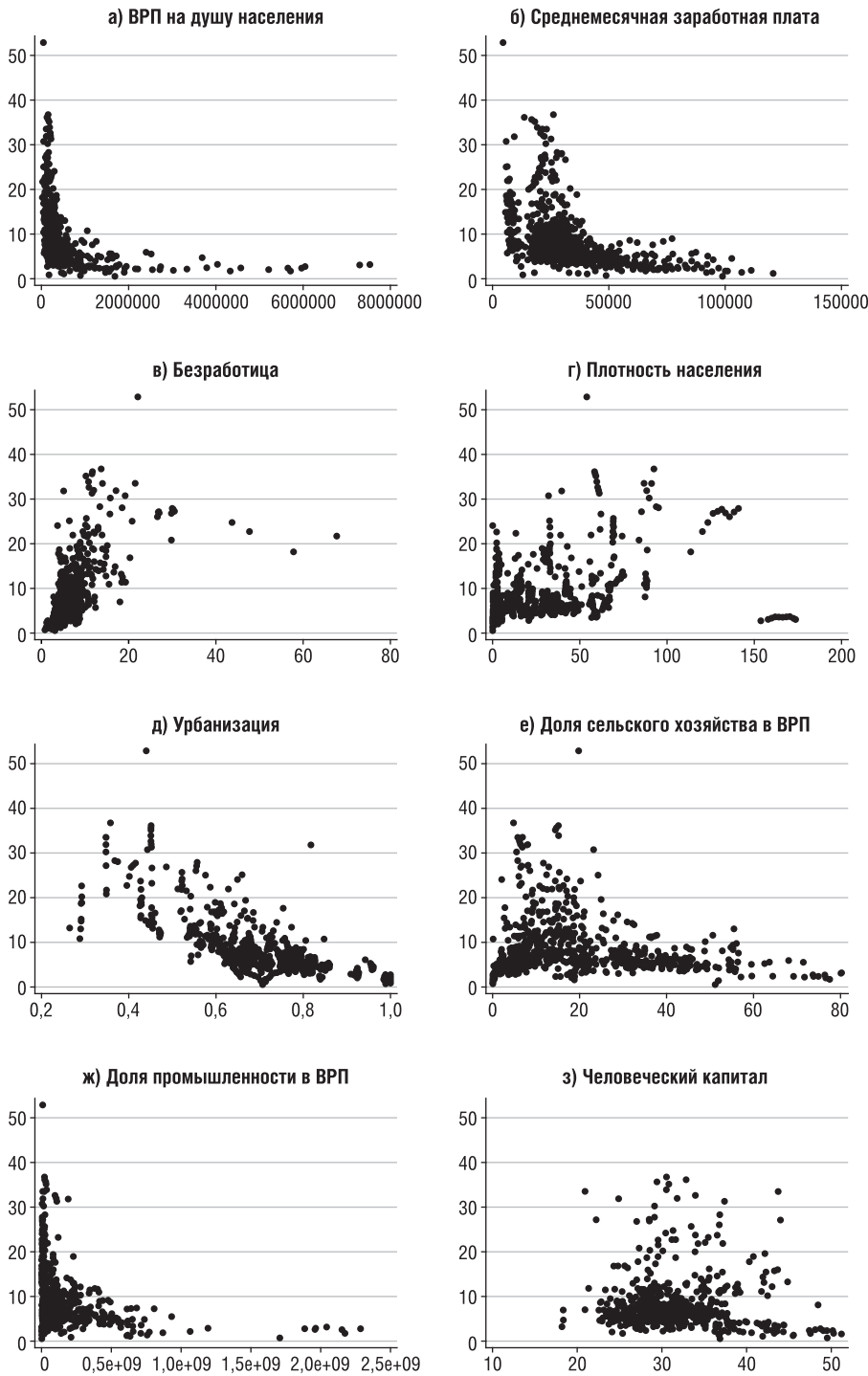

Рис. 6. Графики рассеяния между долей самозанятых и объясняющими переменными

Fig. 6. Scatter Plots Between Self-Employment and the Explanatory Variables

Т а б л и ц а 3

Результаты оценки моделей с фиксированными эффектами, робастные стандартные ошибки

Т а б л и ц а 3

Evaluation of Models With Fixed Effects and Robust Standard Errors

	Зависимая: l_se — доля самозанятых									
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
<i>l_vrp_percap</i>	-0,24*** (0,00)	-0,22*** (0,00)	-0,29*** (0,00)	-0,28*** (0,00)	0,14** (0,02)					
<i>l_wage</i>						-0,26*** (0,00)	-0,26*** (0,00)	-0,32*** (0,00)	-0,32*** (0,00)	0,13 (0,11)
<i>l_unempl</i>	0,13 (0,14)	0,13 (0,15)	0,12 (0,20)	0,12 (0,20)	0,27*** (0,00)	0,14* (0,08)	0,14* (0,08)	0,12 (0,24)	0,11 (0,26)	0,26*** (0,01)
<i>l_propdens</i>	2,86*** (0,00)	2,92*** (0,00)	2,54*** (0,00)	2,71*** (0,00)	1,87*** (0,01)	2,25*** (0,00)	2,31*** (0,00)	2,23*** (0,00)	2,43*** (0,00)	1,81** (0,02)
<i>l_urban</i>		-0,78 (0,29)					-0,41 (0,57)			
<i>l_vrp_ag</i>			0,031** (0,03)					0,026* (0,06)		
<i>l_vrp_pr</i>				-0,033** (0,01)					-0,03** (0,03)	
<i>l_humcap</i>					-0,45** (0,01)					-0,38** (0,04)
<i>_cons</i>	-3,10 (0,17)	-3,74 (0,13)	-1,64 (0,43)	-1,97 (0,36)	-3,93* (0,09)	-1,76 (0,42)	-2,14 (0,39)	-1,11 (0,61)	-1,54 (0,50)	-3,56 (0,14)
Внутригрупповой R ²	0,33	0,33	0,35	0,35	0,10	0,33	0,33	0,37	0,37	0,090
LSDV R ²	0,89	0,89	0,89	0,89	0,94	0,89	0,89	0,89	0,89	0,94
Критерий Шварца	323,02	326,06	299,05	313,07	-165,67	281,92	287,42	272,60	287,68	-158,08

Примечание. В скобках указаны робастные стандартные ошибки: * — $p < 0,1$, ** — $p < 0,05$, *** — $p < 0,01$.

5. Выводы и рекомендации

Увеличение официального показателя по числу самозанятых (плательщиков налога на профессиональный доход) с 2019 года происходило статистическим путем, в общей массе зарегистрированных самозанятых учитывалась и параллельная занятость в МСП, и перерегистрация, в том числе за счет перехода на более выгодный режим индивидуальных предпринимателей. Анализ данных о регистрации самозанятых, таким образом, не позволяет сделать однозначного вывода о реальном росте числа новых рабочих мест.

При оценке тенденций развития сферы МСП активно полагаться на статистический рост самозанятости нецелесообразно, поскольку он не отражает реального развития сферы МСП: происходит дублирование данных о самозанятых, из числа самозанятых сложно исключить прирост за счет некоторых других групп предприятий МСП, самозанятые создают некачественные рабочие места с невысокими доходами и производительностью, с сомнительными перспективами. Такая занятость в чем-то соответствует публицистическому стереотипу «гаражной экономики».

Расчеты показали, что самозанятость коррелирует с неблагоприятным экономическим состоянием предпринимательских систем в регионах России: низким ВРП и низкой средней заработной платой, безработицей, низким качеством человеческого капитала, менее развитой промышленностью, — что подтверждают предположения о вынужденном характере предпринимательства в этих регионах. Соответственно, самозанятость в таких регионах России является скорее источником средств для существования, чем способом налоговой оптимизации для более крупных фирм и ИП. Это дает основания полагать, что в основе роста числа самозанятых лежит именно легализация ранее работавших «в тени» граждан и микробизнесов, а не перерегистрация существующих ИП и предприятий.

Ориентация самозанятых граждан на обеспечение приемлемого уровня дохода (как минимум, на уровне не ниже среднего уровня заработной платы в регионе или отрасли) не создает дополнительных стимулов к развитию собственного дела и переходу к более сложным формам ведения бизнеса, предполагающим формирование новых рабочих мест, создание и (или) приобретение основных средств.

В то же время самозанятость в кризисных условиях дает шанс выжить, сохранить уровень дохода, уровень жизни. В условиях снижения темпов экономического развития, в том числе из-за геополитических факторов, возможность обеспечить максимально

благоприятные условия ведения предпринимательской деятельности представляется вполне разумным решением.

С учетом выявленной корреляции между уровнем благосостояния и уровнем безработицы с численностью самозанятых граждан справедливо будет поставить вопросы о причинах, которые препятствуют формальной занятости на малых и средних предприятиях. Вероятнее всего, они связаны с состоянием инвестиционного климата в регионе, а также говорят о необходимости дифференциации государственной политики поддержки предпринимательства с учетом региональной специфики.

В связи со значительным ростом числа самозанятых граждан, не зарегистрированных в качестве ИП, обсуждается упразднение индивидуального предпринимательства как формы ведения бизнеса²¹. Очевидно, что такого рода предложения сопряжены со значительными негативными социальными и экономическими последствиями, включая нарушение сложившихся деловых и торговых связей и производственных процессов, рост безработицы, уменьшение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, и сегодня без достаточных оснований не заслуживают рассмотрения.

Для обеспечения возможности беспрепятственной легализации существующего бизнеса следует продолжить расширение прав самозанятых и распространить на них все меры поддержки, предоставляемые малым и средним предприятиям. Необходимо создавать условия, которые позволят таким гражданам более квалифицированно открывать, расширять, продолжать ведение собственного бизнеса.

В целях увеличения привлекательности и повышения конкурентоспособности продукции и услуг представляется целесообразным предоставить самозанятым гражданам доступ к добровольной сертификации. В настоящее время документы, подтверждающие качество продукции (декларацию, сертификат соответствия), могут получить только ИП или юридические лица. В отношении самозанятого гражданина, не зарегистрированного в качестве ИП, обязанность предоставления дополнительных документов о продукции не установлена. Возможность добровольного получения сертификатов качества расширит доступ к продаже продукции через маркетплейсы. При этом распространение обязательной сертификации на продукцию самозанятых граждан представляется излишним в связи с незначительным объемом такой продукции с учетом установленных условий применения НПД.

²¹ <https://tass.ru/ekonomika/10610573?ysclid=l8txexyxvv234158980>.

Также требуется разработать механизмы защиты прав потребителей товаров (услуг), произведенных (оказанных) самозанятыми гражданами. Ранее Роспотребнадзор уже выступал с инициативой о частичном распространении на самозанятых граждан действия Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»²².

Существует потребность в урегулировании особенностей осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в отношении самозанятых граждан, исходя из принципа минимизации проведения проверок и только в отношении деятельности, связанной с необходимостью соблюдения требований охраны здоровья граждан и благополучия населения.

Для оказания дополнительной социальной поддержки предлагается определить условия участия самозанятых граждан в системе страхования на случай их временной нетрудоспособности.

Требуют усовершенствования условия применения НПД. С учетом уровня инфляции стоит рассмотреть вопрос о разовом увеличении предельного значения дохода, позволяющего применять этот налоговый режим, либо о введении механизма его ежегодной индексации. Можно поддержать предложения о расширении перечня видов деятельности, которые можно осуществлять с использованием НПД, включив в него, например, сдачу в аренду апартаментов, гаражей, машиномест, услуги по перевозке пассажиров и багажа легковым такси.

Следует поощрять реализуемые крупными компаниями, банками, маркетплейсами и агрегаторами мероприятия, направленные на расширение бизнес-возможностей для граждан, применяющих НПД. В 2022 году специальные программы по расширению работы с самозанятыми запустил ряд крупных игроков, в том числе «Яндекс.Маркет», «ВКонтакте», «Озон», *X5 Group*.

Самозанятость как явление может оцениваться положительно при условии, что она рассматривается не только как возможность обеспечения занятости и поддержания приемлемого уровня жизни, в том числе наиболее уязвимых социальных слоев (вынужденное предпринимательство), но и как стартовая база для создания перспективного бизнеса, производства, увеличения числа качественных высокопроизводительных рабочих мест. Важно отметить, что в совокупности малых и средних предприятий различаются принципиально разные по целям субъекты: основная масса МСП, включая самозанятых, нацелена исключительно на

²² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей” и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования отношений с участием потребителя и унификации ответственности за нарушение прав потребителей)». <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113602>.

поддержание своих доходов на приемлемом уровне, в то время как немногочисленная группа МСП, прежде всего инновационные стартапы, производственные предприятия, нацелена на рост и расширение, склонна к переходу к более сложным формам ведения бизнеса. Многие из них, в частности, становятся быстрорастущими инновационными фирмами-«газелями». Именно фирмы второго типа наиболее производительны, генерируют инновации, становятся экспортерами и в целом создают большее число качественных рабочих мест.

В связи с этим необходимы меры по поддержке формальной занятости в сфере МСП. Для увеличения числа устойчивых компаний малого и среднего бизнеса необходимы меры по расширению потенциальных рынков сбыта за счет цифровизации, упрощению налогового администрирования и автоматизации отчетности, формированию системы акселерации МСП, в основе которой — переходные налоговые режимы от малых к средним, программы бизнес-акселерации, механизмы выращивания поставщиков для крупных предприятий.

Одновременно для снижения перетока занятых из сферы МСП в самозанятость целесообразно оказать дополнительную поддержку малым и средним предприятиям, которые столкнулись со значительным сокращением выручки в 2019–2022 годах.

Литература

1. *Баринова В., Сорокина А., Шестоперов А.* Новый взгляд на поддержку малого и среднего бизнеса в России: компании-«газели» // Social Science Research Network. 2016. 13 February. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2731671.
2. *Aidt T. S.* Economic Analysis of Corruption: A Survey // *Economic Journal*. 2003. Vol. 113. No 491. P. F632–F652.
3. *Acs Z. J., Audretsch D. B., Evans D. S.* Why Does the Self-Employment Rate Vary Across Countries and Over Time? CEPR Discussion Papers. No 871. 1994.
4. *Blanchflower D. G.* Self-Employment in OECD Countries // *Labour Economics*. 2000. Vol. 7. No 5. P. 471–505.
5. *Evans D. S., Jovanovic B.* An Estimated Model of Entrepreneurial Choice Under Liquidity Constraints // *Journal of Political Economy*. 1989. Vol. 97. No 4. P. 808–827.
6. *Gartner W. B.* «Who Is an Entrepreneur?» Is the Wrong Question // *American Journal of Small Business*. 1989. Vol. 12(4). P. 11–32.
7. *Gohmann S. F.* Institutions, Latent Entrepreneurship, and Self-Employment: An International Comparison // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2012. Vol. 36. No 2. P. 295–321.
8. *Hassan M., Schneider F.* Modelling the Egyptian Shadow Economy: A Currency Demand and a MIMIC Model Approach // *Journal of Economics and Political Economy*. 2016. Vol. 3(2). P. 309–339.
9. *Li K., Zhao C.* Determinants of Self-Employment in China: Evidence From Cross-Regional Data // *China & World Economy*. 2011. Vol. 19. No 3. P. 49–67.
10. *Moore C. S., Mueller R. E.* The Transition From Paid to Self-Employment in Canada: The Importance of Push Factors // *Applied Economics*. 2002. Vol. 34. No 6. P. 791–801.

11. Parker S. C. *The Economics of Entrepreneurship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781316756706>.
12. Rauch A., Frese M. Let's Put the Person Back Into Entrepreneurship Research: A Meta-Analysis on the Relationship Between Business Owners' Personality Traits, Business Creation, and Success // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2007. Vol. 16(4). P. 353–385.
13. Robson M. T. Self-Employment in the UK Regions // *Applied Economics*. 1998. Vol. 30. No 3. P. 313–322.
14. Santarselli E., Carree M., Verheul I. Unemployment and Firm Entry and Exit: An Update on a Controversial Relationship // *Regional Studies*. 2009. Vol. 43. No 8. P. 1061–1073.
15. Stewart Jr W. H., Roth P. L. Risk Propensity Differences Between Entrepreneurs and Managers: A Meta-Analytic Review // *Journal of Applied Psychology*. 2001. Vol. 86(1). P. 145–153.

References

1. Barinova V., Sorokina A., Shestoperov A. Novyy vzglyad na podderzhku malogo i srednego biznesa v Rossii: kompanii-«gazeli» [New Insights Into Support for SMEs in Russia: “Gazelles”]. *Social Science Research Network*, 2016, 13 Febuary. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2731671. (In Russ.)
2. Aidt T. S. Economic Analysis of Corruption: A Survey. *Economic Journal*, 2003, vol. 113, no. 491, pp. F632-F652.
3. Acs Z. J., Audretsch D. B., Evans D. S. Why Does the Self-Employment Rate Vary Across Countries and Over Time? *CEPR Discussion Papers*, no. 871, 1994.
4. Blanchflower D. G. Self-Employment in OECD Countries. *Labour Economics*, 2000, vol. 7, no. 5, pp. 471-505.
5. Evans D. S., Jovanovic B. An Estimated Model of Entrepreneurial Choice Under Liquidity Constraints. *Journal of Political Economy*, 1989, vol. 97, no. 4, pp. 808-827.
6. Gartner W. B. “Who Is an Entrepreneur?” Is the Wrong Question. *American Journal of Small Business*, 1989, vol. 12(4), pp. 11-32.
7. Gohmann S. F. Institutions, Latent Entrepreneurship, and Self-Employment: An International Comparison. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2012, vol. 36, no. 2, pp. 295-321.
8. Hassan M., Schneider F. Modelling the Egyptian Shadow Economy: A Currency Demand and a MIMIC Model Approach. *Journal of Economics and Political Economy*, 2016, vol. 3(2), pp. 309-339.
9. Li K., Zhao C. Determinants of Self-Employment in China: Evidence From Cross-Regional Data. *China & World Economy*, 2011, vol. 19, no. 3, pp. 49-67.
10. Moore C. S., Mueller R. E. The Transition From Paid to Self-Employment in Canada: The Importance of Push Factors. *Applied Economics*, 2002, vol. 34, no. 6, pp. 791-801.
11. Parker S. C. *The Economics of Entrepreneurship*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781316756706>.
12. Rauch A., Frese M. Let's Put the Person Back into Entrepreneurship Research: A Meta-Analysis on the Relationship Between Business Owners' Personality Traits, Business Creation, and Success. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2007, vol. 16(4), pp. 353-385.
13. Robson M. T. Self-Employment in the UK Regions. *Applied Economics*, 1998, vol. 30, no. 3, pp. 313-322.
14. Santarselli E., Carree M., Verheul I. Unemployment and Firm Entry and Exit: An Update on a Controversial Relationship. *Regional Studies*, 2009, vol. 43, no. 8, pp. 1061-1073.
15. Stewart Jr W. H., Roth P. L. Risk Propensity Differences Between Entrepreneurs and Managers: A Meta-Analytic Review. *Journal of Applied Psychology*, 2001, vol. 86(1), pp. 145-153.